

Текст: Любовь Федорова

Владислав Лецик: «Поживем - увидим»

Этого бородача знает в Приамурье каждый, кто хоть раз, в творческом порыве, брался за перо.

Член Союза писателей России **Владислав Лецик** уже 15 лет бессменный редактор-составитель литературного альманаха «Приамурье», он заботливо пестует молодые таланты. В 80-х годах буквально прогремела книжка Лецика «Пара лапчатых унтов»: ничего подобного по яркости языка,

юмору и знанию северной амурской действительности читатели еще не знали.

Герои книги – охотники, золотодобытчики, характеры и особенности быта которых автор досконально изучил за годы жизни в Селемджинском районе. Сегодня мы предлагаем читателям журнала фрагмент забавной повести о том, как дед Бянкин искал и нашел похитителя золота с прииска.

Селемджинский район Владислав Лецик выбрал из-за таежной экзотики

Но прежде – несколько вопросов автору.

- Владислав Григорьевич, как вы свое призвание, писательское, редакторское, почувствовали? Росли-то в семье, весьма далекой от литературы?

- Стихи начал писать в восьмом классе, в пятнадцать лет, но в семнадцать как-то забросил. Вернее, почти забросил. Писал иногда шуточные. Так, в институте, на втором курсе, соорудил довольно большую штучку, жанр которой сам определил в подзаголовке: «Оптимистическая трагедия в прозе и стихах». А заголовок был не шибко ароматный: «Огонь, вода и канализационные трубы». Речь там шла о мытарствах студентов, живущих в общежитии, где постоянно отключали свет и воду, а также был заколочен туалет. Отнес свой опус в институтскую многотиражку «За педагогические кадры». К моему удивлению, ее напечатали, причем в новогоднем номере. А в Благовещенский пединститут поступил, можно сказать, случайно. Мне хотелось в Москву, в университет, на физика-ядерщика. Сейчас и вспомнить смешно — но тогда физики были в моде, а ума у меня было не больше, чем сейчас. Но денег-то и вовсе не было — какая уж Москва... И я поехал с друзьями в Благовещенск. Но не в медицинский, как они, а в педагогический, на литературное отделение. Во-первых, учиться всего четыре года, а во-вторых, литература, как я полагал, дело нехитрое. На последних курсах я стал время от времени писать для областного радио, для «Амурского комсомольца» и «Амурской правды». Юный журналистский кадр был замечен, и в результате, получив в 1967 году диплом учителя литературы, я был направлен в поселок Экимчан Селемджинского района не в школу, а в районную газету «Горняк Севера». Район я сам выбрал — за таежную экзотику. Осенью того же года меня забрали в армию, в зенитно-ракетный дивизион ПВО, а через год, уволившись в запас, я вернулся в Экимчан. Два с половиной года ездил по всему району, писал о золотодобытчиках, шоферах, геологах, охотниках. Но литературой не занимался вовсе.

- Именно тогда вас «затянула» таежная экзотика?

- В общем, так... Весной 1971 года поступил штатным охотником в Селемджинский зверопромхоз. Правда, приняли меня с условием, что я в течение лета обучусь бондарному делу, поскольку промхоз заготавливал, кроме пушнины и мяса, также грибы и ягоду, а бондарей для ремонта бочкотары не хватало. Пришлось обучиться. И вот три года — каждый год с октября по март — я жил в тайге, ловил соболей. А летом, в по-

селке, ремонтировал бочки, а также делал из жести печки для охотничьих избушек и палаток. Первый год я охотился с эвенком Иваном Соловьевым, светлая ему память, он с самых аздов меня терпеливо учил и охоте, и обращению с оленями, на которых мы кочевали по тайге. Второй год охотился самостоятельно, жил всю зиму один как перст в рваной палатке среди глухой тайги. А на третьем году моим напарником стал русский — Юрий Титов, родом сибиряк, выросший в тайге да к тому же имевший диплом охотоведа. Он впоследствии трагически погиб — утонул в бурной Селемдже, когда они с братом Сергеем отправлялись на очередной сезон. Эти люди дали мне больше, чем может дать любой институт.

- А как родились первые рассказы?

- В январе 1973 года, в таежном зимовье, когда соболю не шел в ловушки по причине диких морозов и у меня образовалось свободное время, я и стал писать. Один из первых рассказов — об Иване Соловьеве и двух его охотничьих собаках. В 1974 году вернулся в районную газету, но уже на должность ответственного секретаря.

- Слышала байку, что ваш знаменитый «Дед Бянкин» появился по необходимости забивать чем-нибудь «вкусьенным» газетную площадь в период, когда все коллеги ушли в отпуск. Это правда?

- В большой степени... В течение лета 1975 года писал повесть и одновременно печатал ее в своей районке, главу за главой. Повесть была детективной, и мои читатели меня допрашивали: «Ну скажи — кто золото украл?» Я держался мужественно, не пробалтывался, а когда чувствовал, что читатели вот-вот угадают преступника, вписывал в очередную главу новый сюжетный ход и сбивал читающую публику со следа. Рассказывая свои истории, я искал в них смысл. Возможно, при этом я попадал впросак, подобно деду Бянкину, но, честное слово, мы оба хотели как лучше.

- Владислав Григорьевич, спасибо за беседу, за чудесного «Деда Бянкина». Думаю, читатели нашего журнала заинтересуются повестью и мы продолжим публикацию в следующих номерах. Напоследок — традиционный вопрос к вам: думаете в ближайшее время порадовать своих поклонников — а их у вас немало — какой-нибудь новинкой?

- В последнее время опять стал, как в ранней юности, пописывать стихи. Не слишком часто, но случается. Может быть, и удосужусь издать небольшой сборничек. А может быть, и прозой займусь. Все может быть. А будет ли — поживем, увидим.